

ОГБПОУ «САСОВСКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ КОЛЛЕДЖ ИМЕНИ ПОЛНОГО КАВАЛЕРА
ОРДЕНА СЛАВЫ В.М.ШЕМАРОВА»

ЦЕНТР МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ "СВЕТОЧ"

Международная акция «Мы помним тебя, Солдат!» в память о советских солдатах, исполнявших интернациональный долг за пределами Отечества

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА

ВРЕМЯ ВЫБРАЛО НАС...

РАБОТУ ВЫПОЛНИЛ:

Терёхин Алексей Владиславович,

группа М-43-2,

профессия: «МАШИНИСТ ЛОКОМОТИВА»

РУКОВОДИТЕЛЬ РАБОТЫ:

Кузнецова О.В., педагог-организатор

2018

...Служил стране, как сердцу было велено.

Профессия – Отчизну защищать!

Заслуги? – Верность Родине, России!

Афганская война... Героическая и трагическая не только из-за обелисков, она длилась в два раза дольше, чем Великая Отечественная. Никем и никому не объявленная, она требует глубокого осмысления, требует ответа на вопросы: что было? Как было? Почему все произошло? Как воспринимали афганскую войну её непосредственные участники? Как сейчас они её воспринимают?

Размышляя над этим, я включился в работу...

Целями данной работы являются:

- воспитание гражданственности и патриотизма через пример героизма советских воинов-интернационалистов;*
- приобретение знаний, умений и навыков по методике поисково-исследовательской работы;*
- развитие умений культуры ведения диалога и дискуссии;*
- расширение кругозора в области истории нашей страны, истории афганской войны.*

Каждому человеку необходимо испытать чувство национальной гордости за свою Родину. А настоящие мужчины обязаны заботиться о чести своей Армии, а через неё - и чести Отечества. Примером мужества и героизма стали подвиги советских солдат во время афганской войны. И именно такой настоящий мужчина, защитник и патриот, живёт рядом с нами – в селе Берестянки Сасовского района. Олег Анатольевич Цепилов – выпускник нашего учебного заведения (ранее оно называлось ГПТУ-25), поэтому часто приходит на различные внеклассные мероприятия патриотической тематики. На одном из таких мероприятий мы и познакомились. Завязался разговор. Оказалось, что мы – воспитанники одного мастера производственного обучения – Сергея Михайловича Назарова. Правда, профессии у нас разные: Олег Анатольевич получил диплом наладчика автоматических линий станков, а я учусь на машиниста локомотива. Постепенно разговор перешёл на Афган... Меня давно интересовала эта – совершенно непонятная для меня – война. Что я знал об этом? Практически, ничего. Помню, кто-то из друзей рассказывал, что отец «душманов бил в Афгане», иногда что-то об этих событиях говорили родители – «его таким сделала война в Афгане (о ком-то из знакомых)»... А потом был поразивший меня фильм «9 рота». Я смотрел его несколько раз и всё никак не мог понять: как обычные парни, такие же,

как я, только чуть старше, в короткий срок превращались в настоящих мужчин, защитников в самом широком смысле этого слова... И вот у меня появилась возможность всё узнать, как говорится, из первых уст. Олег Анатольевич сказал сразу: «Я расскажу тебе то, что рассказывал об Афгане своему сыну. Вы должны знать, где и почему воевали ваши отцы. Поэтому предлагаю сразу перейти на «ты», нам просто легче так будет с тобой разговаривать...» Признаться, я не ожидал такого поворота событий, но потом, во время разговора, несколько раз ловил себя на мысли, что разговариваю с каким-то близким, хорошо знакомым мне человеком.

Но начнём, как говорится, с самого начала.

ПРОЛОГ

- *Олег, расскажи, когда и куда тебя призвали в армию?*
- *Призвали меня в армию в мае 1984 года, сразу после досрочного окончания ГПТУ. Как сейчас помню, на занятиях, когда мы хулиганили, мастер был очень недоволен и в порыве гнева говорил нам: «Будете хулиганить, пойдёте все в Афганистан служить, там вас научат, как себя вести надо». Так и получилось, все, кому он грозил, впоследствии там и воевали. С одним из таких юных хулиганов, моим одноклассником из посёлка Кустарёвка В.Солонинкиным, мы бок о бок прошли всю службу.*
 - *А куда призвали, в какие войска?*
 - *Попал я в разведвойска. Сначала в Ашхабаде прошёл учебку (полугодовую подготовку), получил звание сержанта. И вот однажды, помню, заступил я в наряд по штабу, ко мне прибегают и говорят: «Приехали полковник и подполковник из Москвы — все идут в Афган!»*
 - *Все, с кем ты служил?*
 - *Нет. Уходило из нашей части 40 человек. Всего лишь. Начальство сказало – строго по желанию, если кто откажется, притеснений не будет. Из нашей роты трое отказалось. Ребята меня спрашивают: «Пойдешь?» - «Конечно, вся рота уходит, а я что?» Тогда такой был настрой вокруг, что все рвались туда. Ребята сбегали к ротному, потом опять ко мне: «Ротный сказал, куда, типа того, рветесь? Вот вам ночь на размышление - подумайте».*
 - *То есть ротный вас пытался отговорить?*
 - *Да. Он у нас был серьезный, после Афгана, раненый, и медали имел, орден. И занимался нашим воспитанием серьезно. Здорово нас гонял, как чувствовал что...*
 - *Ты хочешь сказать, что он сознательно отягчал вам военную учебу?*

- Да. В нашей роте подготовка сильно отличалась, можно даже сказать, совсем другая была, чем у остальных.

- А что, ротному было такое указание - использовать афганский опыт?

- Мне кажется, это было его чисто личное решение, я уверен. Он сам по себе был такой мужик – правильный. Окончил Рязанское десантное училище.

- Кто ты был по военной специальности?

- Разведчик. Причем нас не выбирали, а просто назначили и всё. На стрельбище я прошел полный курс. Не то чтобы меня специально готовили, а просто шли плановые занятия. Стрелял я также из автомата, из пистолета Макарова. Стрелял по-всякому: и лежа, и с прыжка, и с закрытыми глазами по звуку. И все это благодаря нашему ротному, другие роты так не готовили.

Изучали всего понемногу. Радиодело. Мины. Карты и ориентирование на местности. Выживание. Рукопашный бой, но не очень. А штыковой бой вообще почти не отрабатывали и это, конечно, большой минус.

- Тебе тогда было 19?

- Ну да. В общем, ротный говорит: «Приказ на вас уже оформлен. Если за ночь не передумаете, пишите рапорта, и чтобы они к подъему были в канцелярии на столе». Мы пришли и сразу написали. Утром построение и зачитывают официально, кого на отправку в Афган.

- Ты считал, что уже готов к службе там, в Афгане?

- Считал, что кое-что умею. Да и возмужал, конечно, за это время. Армия закаляет без дураков. Тем более с таким командиром, как наш ротный.

ДОРОГА НА ВОЙНУ

- В какую форму вас одели перед отправкой?

- Все обмундирование было штатное и абсолютно новое. В то время как раз начали вводить камуфляжную форму, в действующих войсках ее еще не было, а нас одевали. Мы называли ее «песчанка», - такая светлая, в разводах, под цвет пустыни; погоны полевые; на голову – панамы, это для нас было новым и непривычным. Касок не было совершенно. Вернее, как нам их выдали, так они в БТР и лежали, мы их никогда не надевали. На ноги - десантные сапоги со шнуровкой, потом в Афгане, летом, мы вместо них кроссовки носили. Каждому выдали бронежилет. Не помню сейчас его маркировку, помню, что самый тяжелый – килограммов на одиннадцать, без воротника. На поясе – ремень, котелок с флягой, подсумки. Но боекомплект на ремне мы никогда не таскали, потому что это неудобно.

Все у нас было уложено в РД – рюкзак десантника. РД нам оставили, они были удобные – по горам лазить и все такое. Ну, что еще? Лопатки саперные мы тоже сроду не носили, они в БТР ездили. Противогазы – тоже. Вот, пожалуй, и все.

В общем, загрузили нас в самолёт, и оказались мы в городе Файзабаде. Здесь было что-то типа перевалочной базы. В Файзабаде мы полностью получили оружие и для себя и для техники, полностью - боекомплекты. Причем, оружие тоже все «нулевенькое» - сидели, отмывали его от заводской смазки...

В АФГАНИСТАНЕ

Файзабад мне запомнился двумя моментами. Первое – вода. Вернее – жажда! Иной раз лежишь и думаешь: неужели это чувство будет преследовать тебя на протяжении всей службы? Это ведь чокнуться можно – так хотелось пить... Жажда такая... фляжку выпьешь, а она как в песок уходит. Ни о чем думать не могли, только: пить, пить, пить... А сырую воду пить было нельзя категорически, потому что из-за местной воды дело доходило до смертельных исходов. И так мы помучались, наверное, с неделю, а потом начало потихонечку отпускать...

А второй случай потряс весь город – вырезали целую палатку. В принципе, у них такие случаи бывали, резали солдат, но так, чтобы целую палатку... Это не у нас случилось, а в соседней части, они несли охрану этой перевалочной базы. Палатка общевойсковая, на взвод (20 человек). Ночью разрезали колючую проволоку, разрезали стенку и шомполами в ухо... Когда ножом, человек может вскрикнуть, а когда шомполом в ухо, человек не кричит. Ушли и никаких следов. 20 человек на тот свет... мы были в шоке... Пожалуй, это первый такой был момент, когда я почувствовал: а ведь это и правда война, ведь здесь и на самом деле убивают...

Поначалу, как только оказались в Афганистане, не осознавали, какое это страшное слово – война. Мы, молодые солдаты, завидовали дембелям в орденах и считали, что каждый из нас должен совершить какой-то подвиг. Только услышав первые выстрелы и взрывы, увидев близко смерть, каждый из нас понял, что это – не шутки...

Меня назначили командиром разведроты, в составе которой служили ребята со всего Союза, в качестве переводчиков работали таджики и узбеки. Нашей разведроте по долгу службы часто приходилось выходить в горы, обеспечивать наши войска точной информацией о засадах врага, искать оружие и наркотики в кишлаках.

Были еще засады «на проческе». Когда шли общевойсковые операции по прочесыванию территорий, нас выбрасывали на наиболее вероятные пути отхода. Перекрывали ущелья, горные тропы, перевалы. Войска чешут, а мы сидим, ждем, когда «духи» станут отходить... Вот так, примерно.

ПЕРВЫЙ БОЙ

- Самое время спросить о первом твоём боевом эпизоде. Помнишь, конечно, как это было?

- Первый раз... Мы пошли в сопровождение. Выехали на трех БТРах. Два БТРа молодых солдат из нашей роты, а один - ребята с опытом, не из нашей части. Это, конечно, было сделано специально, потому что мы абсолютно необстрелянные были. Ну, катим по дороге спокойно, днем, сидим на броне, переговариваемся. Я смотрю по сторонам, справа «зеленка»...

- «Зеленка» - это что такое?

- «Зеленка» - это заросли кустарников и деревьев низкорослых – непроходимые. То есть проходимые, конечно, но лучше туда не соваться, потому что зелено, ничего не видно, - идеальное место для душманских засад. «Зеленка» эта в виде таких небольших рожиц, там могут быть и дома кишлачные, только у нас рожиц березовые, прозрачные, а у них как будто из боярышника пополам с шиповником.

И вот мы катим, справа «зеленка», а слева дувалы – заборы глинобитные и стены домов, дорога вдоль кишлака идет. Я как раз повернул голову к дувалам и вдруг что-то не пойму – фить! фить! – что-то свистеть начало, а от дувала кусочки отваливаются, типа как штукатурка... А потом впереди к-а-а-а-к грохнет!!! В БТР они не попали, врезали в дувал гранатой. А почему она мимо прошла, так это наш «кардан» заметил...

- Извини, а «кардан» - это кто?

- «Кардан» - механик-водитель БТРа. Прозвище у них такое... И вот наш молодой «кардан», не то с испугу, не то с чего, как по тормозам вдарит! Потому граната впереди и прошла.

- А как же он мог заметить выстрел, если он сидит внизу и должен смотреть на дорогу вперед?

- А люк? Они обычно ездили с открытым люком, а на сиденье клали такую «сидушку», чтобы повыше было, и голова тогда торчит из люка наполовину – сразу обзор появляется. Кстати, почему «карданы» почти все без зубов передних ходили – потому что броня горловины люка как раз напротив челюстей приходилась. И, как правило, только на мину налетят

– взрыв, и они бились зубами. Постоянно. Но наш-то «кардан», он ведь вместе с нами пришел, опыт нулевой, видимо, он чисто машинально, когда выстрел услышал, ударил по тормозам. Это нас и спасло...

...В общем, толком ничего понять не могу, только крики: ложись! ложись! Попрыгали с брони в кювет. Пальба стоит, ничего непонятно – откуда, чего... Единственное, что я понимал – сзади дувал, и оттуда вроде бы не стреляют, значит, из «зеленки». И только я чуть-чуть из кювета голову приподнял – мне прямо в глаза фонтан пыли... Это «дух» дал очередь, и песок, грязь, камешки – все это прямо в глаза. И тут до меня дошло: похоже, это по мне стреляют... И как что-то прижало меня к земле... Лежу и двинуться не могу. Это длилось минуты три-четыре, буквально. А в Афгане, практически, вся война была такой скоротечной. Обычно они из засады завалят гранатометом передовую машину и, пока люди на броне – постреляют, очереди три-четыре. А как только попрыгали и очухались – откуда огонь ведется, все сразу же уходят.

...Слышу, стрельба прекратилась, ребята-«старики» идут, спрашивают: что, как, раненые есть? В этот раз обошлось. Никого не зацепило. Встали мы из кювета, в кучку собрались, сигареты достали, а «старики»: «Ну что, мужики, хоть один патрон кто выпустил?» Мы – раз, и головы вниз все, как по команде... «Ну ладно, мужики, не переживайте. У нас то же самое было. Привыкните».

И на самом деле, на войне быстро привыкаешь ко всему. Видно, сознание у нас так устроено. Хочу сказать только, что как я представлял себе войну, ну, тоже там фильмы всякие смотрел, телевизор, воображал себе, когда в эшелоне ехал, - и с чем я на самом деле столкнулся: это совершенно разные вещи! Это небо и земля – мои представления и действительность. Вот такое у меня было боевое крещение... Зато потом, когда пообтерлись, совсем другие чувства появились. Вот предположим, катишь на броне и начинается стрельба, так мысли вот какие: «Черт побери! Что ж вам, окаянные, не отдыхается-то?! Я ж только сегодня форму свою постирал, а теперь опять валяться...» И уж прежде, чем упасть, тащишь плащ-палатку, чтобы себе подстелить. Вот о чем думаешь! Чтобы не испачкать форму, а не о том, что тебя могут подстрелить. И вот постелешь, ляжешь, постреляешь – нормально! Вот такое уже сознание вырабатывается.

КАРАВАНЫ

- Ты говорил, что главной вашей задачей был перехват караванов?

- Да, именно.

Первое время, когда мы только прибыли, они совершенно в открытую ходили, белым днем. Потом, когда мы два-три каравана забили, - всё, только ночью. Я сейчас расскажу один эпизод памятный...

Однажды сели мы в засаду на караван. Расположились, оборудовали позиции – основные, запасные, всё нормально, ждем.

- А что значит позиция, это – окоп отрываешь или что?

- Да нет. Камнями обложишься, бойницу сделаешь, чтобы поудобнее, гранаты приготовишь, чтобы под рукой всё было, в общем, лежим, ждем. Ночь тихая... Из боевого охранения передают по радиции: «Идут. Человек семьдесят». Так, понятно. А они снова: «Это – головной дозор!» Командир им: «Вы что? Семьдесят человек головной дозор?» Оказалось, правда. По дороге семьдесят «духов», а по склону — боковой дозор, человек сорок-пятьдесят. И прямо на нас. Видимо, караван такой ценный. Попались! Что делать? Приказ: залечь, огонь не открывать. Пропускаем. Если обнаружат – тогда как получится. Всё понятно. Прикрылись мы плащ-палатками, лежим... Короче, прошли они мимо нас чуть выше по склону, метрах в сорока. Дозор прошел, караван появился – ему конца не видно – разговоры, шум, аж гул стоит по горам. Я лежал... и не знаю, как это выразить, ей-богу... Страшно, в общем, такая толпа «духов»... Наконец, тыльный дозор. Тоже человек под тридцать. В общей сложности получается около 140 человек одного охранения, плюс те, которые внутри шли при шестидесяти вьючных, это мы потом посчитали... А везли они реактивные снаряды, те, что по телевизору постоянно показывают, где какая заварушка идет. Их запускать можно откуда угодно.

Как только тыльный дозор с нами поравнялся, ротный командует: «Потихому! Уходим!» И мы потихоньку, потихоньку, в противоположную сторону... И тут как раз пошло! Это был кошмар! Мы уже бегом! Бегом!

Когда обстрел начался, «духи» врассыпную, и беспорядочная стрельба у них началась. Это и понятно: ночь, тихо и вдруг на голову такой кошмар! Когда трудно определить, где противник. Кажется, что стреляют со всех сторон, особенно в горах. Вот такое было...

- А ты не подсчитывал, сколько караванов за время твоей службы вы перехватили?

- Восемь штук. Причем, два раза приходилось бить мирные караваны.

- По ошибке?

- И да, и нет. Трудно ведь разобраться. Ну, сидим, смотрим в приборы ночного видения, но ведь разве определишь, что там во вьюках? Бывает, он

и на мирный похож, а в нем – медикаменты или еще что-нибудь эдакое... А ведь к ним не спустишься, не спросишь... Вообще-то, ночью там комендантский час, поэтому мирные караваны останавливаются в кишлаках. Ну, а «духи» приходят, поднимают мирных и пускают вперед. А иной раз, и второй пустят. Вроде живца, или как минный трал. Если засада сидит, она себя обнаружит, на шумит и уберется. А они через часик уже потом спокойно идут или свернут другим путем.

- Но ведь это означает, что они своих соотечественников посылали на смерть?!

- Ну да! Такие случаи были. Забили караван, а он мирный. А потом нам говорят: за ним шел боевой.

- С оружием – понятно, а что возили мирные караваны?

- Да все возили, особенно если торговые. На торговом можно было и поживиться.

- Что ты имеешь в виду?

- В основном, тряпки, одежда, барахло там всякое. За едой мы не гонялись, нам хватало. А вот на дембель готовились. А в торговых караванах и джинсы, и кроссовки, и все на свете! Летом, практически, мы все ходили в кроссовках, никаких сапог. Нам разрешали. Опять же – футболки, ботинки, часы, ручки с часами, магнитофоны японские. Можно было себе всё это поднабрать - торговый же караван.

- Вы что, считали это военными трофеями?

- Нет. Это было запрещено. Это мародерство, можно сказать. Если с этим делом попадались, наказывали. Но все равно – это было.

- А помнишь ли ты, чтобы кого-то судили за мародерство?

- Слышать – слышал, но в нашей части при мне такого случая не было.

- А командиры на это как смотрели, сквозь пальцы?

- Командиры есть командиры. Они, конечно, старались, чтобы этого не было. Ведь в первую очередь с них и спросят.

ДЕНЬГИ

- Ну, а деньги попадались в караванах?

- Попадались, и много. Я четко помню, как первый раз столкнулись с долларами. Мы сначала никак не могли понять – чьи это деньги?

- Неужели никто из вас не видел никогда доллары, не могли по-английски прочитать?

- Да нет, просто доллар тогда – это было так странно и опасно, казалось даже, что посадить могут, если вслух заговорить где-нибудь про доллары...

В конце концов, я помню, что эти доллары мы тогда выкинули. Даже смешно сейчас вспоминать...

- Олег, а какую ты получал тогда зарплату?

- Я получал девять чеков в месяц, нам платили чеками. Курс был: один чек – три рубля. Так что 27 рублей у меня получалось за все про все. Правда, мы брали и у пленных, и у убитых, когда находили, их деньги – афгани, мы их называли «афони». Обыскиваешь – документы в штаб, а деньги – себе. А потом меняли эти «афони» на чеки. Семнадцать штук – один чек. Где угодно в Кабуле можно было обменивать. Конечно, это было запрещено, но потихоньку идешь и меняешь.

- Слушай, а было у вас там что-то веселое, смешное?..

- Нет, смешного, практически, не было... Вот, если только, пожалуй, про Копчёного расскажу. Но сначала – про мины.

МИНЫ

- Мин там!.. И американские, и английские, и наши, советские... Но больше всего, мне кажется, было итальянских. Они в пластмассовых корпусах, их миноискатели практически не берут. И взрываться могут не сразу, а только после нескольких нажатий на крышку. Но она несильная. Колесо у БТР оторвет и все.

Я сам два раза на минах подрывался. Счастье, что оба раза были «итальянки». Первый раз ехали с охраны Кабула, с гор. Намаялись за трое суток, в БТР залезли и поотрубались... Очухался уже в части: из ушей кровь, ничего не слышу, думал, совсем глухим вообще останусь. Потом постепенно почти всё восстановилось. Правда, до сих пор плоховато иногда слышу... А второй раз было на броне. Два БТРа прошли, а наш рвануло. Всех с брони скинуло, я колени порасшибал, и дня четыре звон в ушах стоял. Три контузии...

Мины везде разбрасывали. И растяжки делали. И мины-сюрпризы. Этих вообще полно было. Едешь на БТРе, вдруг лежит японский магнитофон, или там часы, или еще что-нибудь ценное. Но мы не брали никогда. Они ведь по-разному делали. Бывает, с места двинешь – рванет, а бывает, только когда на магнитофонную клавишу нажимаешь. Или вот ручка шариковая: надавишь, чтобы стержень вышел – хлоп! – пальцев нет. Случаев было сколько угодно. Но только не в спецназе, потому что у нас этого добра и так хватало, с караванов.

- *Слушай, ты ведь хотел рассказать про какого-то Копченого.*

- *Да, точно. Был у нас в роте, в первом взводе, один парнишка, на полгода помоложе. Смугленький такой, кличка Копченый, родом с Украины. И вот когда я уходил на «дембель», у него было уже девять подрывов! А еще полгода службы впереди. Дело дошло до того, что, когда распределяли по группам, от него начали отказываться: ради Бога! Только не его! Потому что, как только в колонне взрыв, все ясно – там Копченый! И точно, его БТР, стопроцентно! Если он на БТРе, то этот БТР сегодня на mine. И внутри уже никто не сидел, только сверху. Потому что, когда подорвешься в броне – это страшно. Как в консервной банке. А на броне – только с неё посбрасывает и последствия не такие тяжёлые. Ну, а ребята-«карданы» очень страдали. Их по ногам здорово било и зубы вышибало...*

Вот так... Не знаю, может, и невесело, а история такая вспомнилась...

ПОТЕРИ

- *Среди своих потерь много было?*

- *С нашей роты за все время моей службы погибло человек одиннадцать. Но в наших батальонах мало народа гибло за счет того, что мы почти всегда работали из засад. Мы редко ходили на «прочёски». В основном же народ погибал на «прочёсках», где из-под каждого куста, из-за каждого угла можно было пулю получить. А мы – из засад, и, тем более, всегда наготове была броня. Если нас зажимали, мы тут же вызывали броню и уходили.*

- *А что такое «прочёски»?*

- *«Прочёски»... Ну, вот пример. Однажды нас подняли на пяти «вертушках» МИ-6, и плюс еще две 24-ки. Это боевые вертолеты Ми-24, мы их «крокодилами» звали, потому что здорово похожи на крокодилов. Выбросили вблизи горного кишлака. Была информация, что там скопление двух банд. Ну, растянулись мы группами и, попарно взаимодействуя, пошли чесать кишлак. Практически, стреляли во всё, что шевелилось. Прежде чем войти за дувал или прежде чем посмотреть или заглянуть куда угодно, обязательно бросаешь гранату. Войти без этого – можно очередь получить в упор. И вот кидаешь, входишь, а там ...*

Много гибло мирных жителей. Очень много гибло после этих «прочёсок»... Очень много... В первую очередь, в любых случаях всегда страдает гражданское население. Оно – в первую очередь!

- *Вы всегда своих раненых выносили?*

- Раненых? Всегда! Убитых тоже всегда забирали. На моей памяти никогда ни одного не оставили. Вообще, взаимодействие и взаимовыручка были хорошие. Никогда не боялись, что бросят. Но это, конечно, свои. А мы ведь еще взаимодействовали с их армией и «царандоем», это афганская милиция. Вот здесь дело было плохо. Как вояки, они – никто. Бывали ситуации, когда просто крикнут из кишлака, они ложатся и всё. В основном, они шли за нашими. Помню, был случай, когда на «прочёске» много народу погибло из-за того, что они залегли, а частью побежали, и тех, что чесали, чуть в кольцо не взяли, как раз через эту дыру. После этого были разговоры что-то типа того, чтобы прекратить с ними боевое взаимодействие. Тем более что они, когда час молитвы наступит, все бросают и давай кланяться... Короче, не очень они воевали. Но мы – спецназ, в бою с ними не взаимодействовали совсем. Это пехота отдувалась на общевойсковых операциях. Вообще же мы с ними жили мирно. Они к нам приезжали в гости, и мы заезжали к ним в расположение. Знаешь, их можно понять. Для них-то эта война была гражданская. Может, их на собственный кишлак в атаку гонят...

ЛИЧНОЕ ВРЕМЯ

- Скажи, а как вы расслаблялись после таких диких психических нагрузок?

- Была у нас, так называемая, «ленинская комната». В отдельной палатке. Телевизор там стоял. Библиотеки не было, но книги были. Мы книги, в основном, брали в кабульской роте, когда ездили к ним.

- А что читали, не помнишь? Детективы или «Войну и мир»?

- Не помню. Я лично не читал книг. А ребята читали. Дружок мой читал стихи. Кажется, Есенина, или Лермонтова. Где-то он достал эту книжечку и постоянно читал эти стихи. Музыка тоже была. Практически в каждой палатке у нас магнитофон стоял. И песни пели под гитару. Все песни – только про Афган.

- Песни сами сочиняли?

- У нас в роте никто не сочинял. Пели песни группы «Каскад». У них тиражировалась кассета, и мы ее слушали на магнитофоне, а потом ребята на гитарах играли. Мы их так разучили... Александр Розенбаум к нам приезжал... Когда он давал концерт в клубе, пробиться, практически, было невозможно. В основном он пел свои «афганские» песни. В общем, почти каждый вечер слушали и пели песни. Ну, или кино смотрели...

НА ЗАСАДЕ

- Что тебе запомнилось больше всего?

- Больше всего?.. Был один такой эпизод на засаде. Проходила общевойсковая операция по проческе «зеленки». И нас, как обычно, три группы, выбросили на ущелье. Ущелье было широкое, и мы засели на разных склонах, в разных местах. И вот операция началась, наши наблюдатели передали, что из кишлака отходит 70 «духов». Обычно же бывает не более 10, ну 15, ну, максимум, 20 человек. Шли они на нашу дальнюю группу, где всего 15 ребят было.

Что делать? Ведь они просто сомнут наших. Командир дал указание отойти ближе к нам. Расстояние до душманов было пока приличное – километра полтора-два. Было еще время отойти, чтобы не ввязаться. Но, оказывается, там, за горкой, - их совсем мы не видели – еще одна группа «духов» отходила. Они из кишлака вышли раньше, человек тоже 15, и получилось так, что только наши начали движение, как эта группа вышла на склон и открыла огонь. Тут и 70 человек подоспели и тоже начали стрельбу. На склоне было что-то типа сухого русла, метра полтора глубиной. Ребята залегли туда, а их перекрестно, в два огня, так прижали, что мало не показалось! У «духов» чего только нет! Там и «М-16», и «АК», и «5,45», и ППШ с круглым диском, и все на свете, но гранатометов не было.

Короче, ребят зажали. Они по радиации передают: этого ранили, этого ранили, этого тоже... Мы, естественно, вызвали по радиации «вертушки», вертолеты то есть, и пошли их выручать. Встали – 15 человек нас тоже было – и бегом, стреляем на ходу, чтобы видели, что поддержка идет.

Практически, в такой ситуации о себе не думаешь и не боишься, хотя шквал огня и пули везде, только свист стоит... Передать словами я это не могу... Просто бежишь и о себе не думаешь.

Когда мы до них добежали и попрыгали к ним туда в русло, первым делом, конечно: «Все нормально, мужики?» В смысле – не убили ли кого? А они показывают на санинструктора, сейчас не помню, как его звали, лежит – насмерть... Они говорят: высунулся, пытался стрелять... Когда видишь своих убитых... в общем, тут мы встали все и пошли – бегом, в гору, на огонь. «Духи» увидели, что мы всерьез встали, и бежать...

Веришь, до сих пор всё это видится, как наяву... Во сне Афганистан снится...

Столько прошло, а мне кажется, что я ещё не вернулся с той войны...

Нам говорили: «Вы защищаете южные рубежи нашей Родины!». А на самом деле мы про это и не думали, я считаю, мы находились на самовыживании. И все.

И каждый только и ждал своего часа: скорей бы дембель... скорей бы дембель... скорей бы дембель...

ДЕМБЕЛЬ

- Ты не считал, в скольких операциях ты участвовал за всё время твоей афганской войны?

- Это можно прикинуть. Восемь караванов. Два раза ходили на взятие складов оружия. Несколько вылетов на «вертушках». Раза три-четыре – охрана Кабула. В сопровождение колонн – раз шесть-семь. Сколько раз в засадах был на «проческах» - трудно сказать, наверное, не больше двух десятков случаев. Два раза был на Саланге. Это высокогорный перевал на дороге Кабул-Чарикар-Баглан-Кундуз. А на этой дороге только и жди – сейчас влепят... Вообще-то, там любой выезд был боевой операцией. За продовольствием для себя ездили, и то боевая операция. Наш батальон своей деятельностью, конечно, здорово «духам» перекрыл горы. Уж они так не ходили, как до нас. Обходными путями стали ходить. Но и себе мы тоже кое-что «заработали». Последние три с половиной месяца, что я служил, практически, мы ночевали только в БТРах. Потому что каждую ночь был минометный обстрел. Как только «духи» поняли, для чего мы здесь и где базируемся, так и началось. Они тоже работали... Уже после меня, ребята потом писали, достали один раз все-таки. Мина в палатку – шесть человек насмерть, остальные ранены. Всех зацепило одной миной! И взвода нету.

- Ты помнишь, конечно, как уходил на дембель?

- Как не помнить... Май 86-го... Особенно два момента запомнились. Первое, как нас «шмонали» - отбирали все, что с караванов брали. Можно было вывезти только на те чеки, что получил за время службы. На общую сумму разрешали вывезти оттуда что-либо. Ну, про солдат я и сам понимаю, какие у них возможности, а офицеры? Да, они вывозили, как говорится, втугую. Мы когда из Кабула прилетели в Ташкент, солдат в аэропорту в одну сторону, а офицеров и женицин – в другую. У нас только билеты военные проверили. А их потрошили – от и до! Потому что они старались вывезти оттуда... - все!

А второе запомнилось, как заболел. Я за все время службы ни разу не болел. Только дизентерия. И вот, буквально завтра – домой, а я почувствовал все признаки гепатита. «Желтуха» то есть... И

таких человек пять нас, с роты. И все пять – дембеля, вот что обидно! Первая партия у нас ушла еще в мае, а нас и так три месяца с лишним не отпускали, и вот... Трое пошли в санчасть, а я и еще один лежали в палатке. Причем, я свалился капитально, два дня уже с койки не вставал. Ослаб сильно и даже мысль была, когда «вертушка» санитарная придет, пойти сдать и – в госпиталь... А потом думаю, это что ж получается, уже приказ есть – и здесь же снова валяться? Нет, думаю, как-нибудь, как-нибудь до дома, а там – в любую больницу можно. И вот пришла «вертушка» за больными, но оказалось, что дембелей тоже забирает. Ребята прибежали, помогли одеться, собраться. Я еще подошёл к штабу, там у нас ящик почтовый висел, и родителям письмо опустил, которое три месяца назад написал, когда думал, что уже все, конец службе. Они у меня не знали, что я в Афган попал. Я им писал оттуда, будто бы из Польши. На конверте ведь только номер полевой почты, поди узнай откуда.

- Это что же, твое личное решение было или вам приказывали такую легенду излагать в письмах?

- Мое, конечно. Просто не хотелось расстраивать родителей, А так никто, разумеется, не запрещал писать, что ты в Афгане. Я решил, что «буду служить в Польше». Дело в том, что у меня там друг как раз действительную проходил, параллельно со мной. И вот я с ним договорился, и он мне в письмах завел специальный отдел «для твоих родителей», и там про погоду польскую, про обычаи и все такое прочее. Я получу, перепишу и домой отправляю. А один раз поленился, просто отрезал приписку «для твоих родителей», положил в свой конверт и послал. Батя тут меня и заподозрил, пишет: «Что-то почерк не твой, не случилось ли чего?» А еще я фотки посылал, конечно, нейтральные такие, так он тоже учуял: «Какие-то, пишет, не польские карточки от тебя пришли, сынок...» В общем, опустил я письмо с чистосердечным признанием, где на самом деле служил, и что, мол, когда вы его получите, я уже буду в Союзе. Так и получилось. Кабул, Ташкент, а оттуда в Рязань на поезде...

- Как же ты больной-то?

- Да вот в чем и дело-то! Я аж сам удивился, когда вышел в Ташкенте. Может быть, перемена, может быть, радость, особенно когда пересекли границу, и стюардесса объявила, и включили песню «День Победы» - такое состояние было, аж чуть ли не слезы на глазах от этой радости, что НАКОНЕЦ-ТО!

Так вот, в Ташкенте, когда таможеню прошли, чувствую – отпустило... Нет болезни! Всё, никакой болезни я не чувствую. Приехал в Сасово - все нормально.

Устраиваюсь на работу, проверяют – всё хорошо. А потом через некоторое время простыл я однажды, и как что-то включилось в организме. Шесть месяцев отвалился в больнице с желтухой...

- Трудно было привыкать к мирной, гражданской жизни?

- К гражданке я привыкал намного дольше, чем к войне. Ощущения темноты, одиночества и незащитности – идешь один и без оружия - преследовали несколько лет. Потом привык постепенно.

- Война долго снилась?

- Первое время – почти непрерывно. Но сны какие-то бестолковые были: то отстреливаешься, то пытать тебя начинают, то еще что-то... Короче, сумбур какой-то бесконечный... Она мне и сейчас снится, но сейчас уже редко. И снятся, в основном, взрывы, будто я на mine подрываюсь. Еду на БТРе и вдруг – ВЗРЫВ! – я вздрагиваю и просыпаюсь...

ЭПИЛОГ

На счету командира взвода О.Цепилова – около трёхсот боевых выходов. Не обошлось и без ранений. Как уже говорилось, он трижды был контужен, получил сильный ожог. Скромно промолчал Олег о своих наградах. В 1985 году он был награждён медалью «За отвагу», а в 1987 году – орденом «Красной Звезды». Один из друзей Олега сказал, что орден ему дали за то, что вывел свой взвод из окружения... Тридцать человек остались живы... Тридцать человек вернулись к своим семьям...

В наши дни, как говорит Олег, его сослуживцы организуют встречи, причём проходят они каждый раз в разных городах. Боевые товарищи уже собирались в Кирове, Ташкенте, Москве, на Украине... Не раз были и в гостях у Олега, в селе Берестянки.

Сейчас сержант Цепилов возглавляет Сасовскую городскую общественную организацию «Союз ветеранов боевых действий». Семья Олега – это жена Светлана, которая дождалась его с войны, и сын Илья, который во всём старается походить на своего отца.

...В конце нашего разговора задаю Олегу вопрос – не жалеет ли он, что служил в Афгане, что по чьей-то воле оказался в далёкой чужой стране? Кем они ощущали себя, необстрелянные солдаты и офицеры, ставшие заложниками политических игр, - освободителями или оккупантами?.. Вместо ответа слышу стихи:

*Время выбрало нас,
Закружило в афганской метели.
Нас позвали друзья в грозный час -
Мы особую форму надели.
И в огне горных, трудных дорог
Своей кровью кропили походы,
Не заметили в вихре тревог,
Как минуты прессуются в годы.
Верность, доблесть, отвага и честь -
Эти качества не напоказ.
У Отчизны героев не счесть -
Время выбрало нас!*

А ещё мой собеседник посоветовал посмотреть фильм «Охотники за караванами». «Там, в самом конце фильма, - сказал Олег, - есть слова, в которых ты найдёшь ответ на все свои вопросы про нашу службу в Афгане. Там сказана вся правда.

И ещё... Запомни, парень: нет ничего крепче мужской армейской дружбы. Это определенное братство, когда ты понимаешь, что есть те люди, на которых ты всегда можешь положиться в трудную минуту. Дружба «афганцев» крепче вдвойне, а наше боевое братство ещё сплочённее. Ради этого тоже стоило повоевать в Афгане... Будем жить!..»

В конце фильма «Охотники за караванами» звучат такие слова:

«Пройдёт время, и будут говорить, что эта война была бессмысленной. Будут врать, что смерть и тяжёлые ранения на этой войне тоже не имели никакой цены. Не верьте этому. Мы пришли сюда и выполнили поставленную задачу. Мы сделали это так, как это сделала бы любая уважающая себя армия большого и сильного государства. Каждый, кто здесь умирал, умирал для того, чтобы шёл следующий. Чтобы жили мы...»

В этих словах и есть вся правда сержанта Цепилова. Правда об афганской войне...

ПРИЛОЖЕНИЕ К РАБОТЕ

№ п/п	Фамилия, имя и отчество обучающегося	Дата рождения	Пол	Место рождения	Дата окончания школы	Среднее образование	Среднее специальное образование	Среднее образование с отличием	Среднее образование с золотой медалью	Среднее образование с серебряной медалью	Среднее образование с бронзовой медалью	Среднее образование с похвалой	Среднее образование с аттестатом	Среднее образование с аттестатом с отличием	Среднее образование с аттестатом с золотой медалью	Среднее образование с аттестатом с серебряной медалью	Среднее образование с аттестатом с бронзовой медалью	Среднее образование с аттестатом с похвалой	
1473	Мельников	1952	м	г. Иван. обл. с. Боровское	1970	с. Боровское	г. Иваново	с. Боровское	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново
1474	Мельников	1952	м	г. Иван. обл. с. Боровское	1970	с. Боровское	г. Иваново	с. Боровское	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново
1475	Мельников	1952	м	г. Иван. обл. с. Боровское	1970	с. Боровское	г. Иваново	с. Боровское	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново
1476	Мельников	1952	м	г. Иван. обл. с. Боровское	1970	с. Боровское	г. Иваново	с. Боровское	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново
1477	Мельников	1952	м	г. Иван. обл. с. Боровское	1970	с. Боровское	г. Иваново	с. Боровское	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново
1478	Мельников	1952	м	г. Иван. обл. с. Боровское	1970	с. Боровское	г. Иваново	с. Боровское	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново
1479	Мельников	1952	м	г. Иван. обл. с. Боровское	1970	с. Боровское	г. Иваново	с. Боровское	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново
1480	Мельников	1952	м	г. Иван. обл. с. Боровское	1970	с. Боровское	г. Иваново	с. Боровское	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново	г. Иваново

Армейский альбом

Армейский альбом

Армейский альбом

Дембель – неизбежен!

Встречи боевых друзей

За ВДВ!!!

На встрече со студентами индустриального колледжа